

Ли Сы застыл как вкопанный. По его лицу было видно: новость принесла ему не столько радость, сколько настоящий шок.

— Отец? — позвал Гоудань.

— Сяо Сюань, да как же... твоя тетушка Яо... Да быть того не может! Мы ведь уже в том возрасте, когда внуков нянчить пора, — пробормотал Ли Сы.

От этих слов госпожа Яо покраснела до корней волос и готова была сквозь землю провалиться от стыда.

— Может... может, ошибка какая? — прошептала она, не веря собственным ушам. В ее-то годы, да с таким хлипким здоровьем — и вдруг понести? Диво да и только.

— Никакой ошибки, — мягко ответил Ван Сюань. — И больничный осмотр подтвердил, и я сам пульс проверил. Сроку уже около двух месяцев.

— Ну папа, тетушка Яо, чего вы застыли? — вмешался Гоудань. — Давайте сначала поедим, а потом съездим с Сяо Сюанем еще раз провериться. Он говорит, тетушка уже немолода, так что беременность нужно поберечь.

— Да как же... Гоудань, сынок... Ну как же так вышло-то? — Ли Сы все еще растерянно лепетал, никак не укладывая новость в голову.

— Да нормально вышло, значит, не старый ты еще, — отмахнулся Гоудань. — И какая разница — мальчик, девочка... Сначала пусть родится, там разберемся.

Ли Сы лишь растерянно топтался на месте, словно мешком пришибленный. Госпожа Яо, ловя каждое слово мужа и видя его смятенные расспросы, не на шутку испугалась. Лицо ее побледнело. Конечно, понести на склоне лет в деревне считалось делом едва ли не постыдным — люди непременно станут судачить, будто старая баба никак от мужа отлипнуть не может.

"Лишь бы разрешил родить... Только бы Ли Сы не заставил меня избавиться от дитя"

— Не забивайте сейчас голову лишними мыслями, — успокоил их Ван Сюань. — Из-за тяжелой дороги, да и в силу возраста тетушки Яо, плод держится слабо. Если дома сохранить не получится, придется на несколько дней лечь в больницу под наблюдение. Дядя Ли?

— Да-да, конечно, — поспешно закивал Ли Сы, все еще пребывая в прострации. Вообще-то в его годы люди мечтают о внуках, а тут на тебе — собственный ребенок на подходе. — Как скажете, так и сделаем.

Ли Сы и впрямь не мог прийти в себя. Он ведь всю жизнь прожил с мыслью, что Гоудань останется его единственным наследником, единственной веточкой на семейном древе. И вдруг на старости лет — такое известие. Признаться честно, страха в нем сейчас было куда больше, чем радости, а на душе скребли кошки от нехорошего предчувствия.

Шагал он нетвердо, то и дело оступаясь, словно лунатик во сне.

Гоудань смотрел на отца с недоумением. Тот и в детстве особой говорливостью не отличался: всегда молчаливый, забитый. Даже когда бабка замахивалась на него с бранью, он никогда не пытался убежать или дать сдачи — просто сжимался и безропотно сносил побои. Маленького Гоуданя этот безропотный характер отца всегда ставил в тупик: ну какому дураку нравится терпеть побои, когда можно просто дать дёру? К тому же Ли Сы вечно твердил сыну, что тот обязан поскорее жениться и обзавестись потомством. Так отчего же теперь, когда у самого на старости лет намечался сын, он выглядел столь несчастным?

"Подумаешь, младенец. Эка невидаль. Всего-то дел — лишняя ложка за столом. Денег у отца теперь водилось предостаточно, прокормить ребенка труда не составит"

Сам Гоудань отнесся к новости как к обычному прогнозу погоды — ухо зацепило, но душу не всколыхнуло. Кивнув на прощание Цичжи, он сел в ожидавшую его машину и уехал на работу.

Цичжи с женой до этого момента сидели тише воды, ниже травы. Они-то ждали грандиозного скандала. Ведь все нынешнее богатство дяди Ли было нажито исключительно трудами Гоуданя и Ван Сюаня. И тут откуда ни возьмись появляется потенциальный наследник, который в будущем вполне может заявить права на долю в семейном деле или устроить никому не нужную дележку.

Поэтому супруги помалкивали, резонно рассудив, что в чужие семейные дела соваться не стоит, хотя в душе целиком и полностью поддерживали Гоуданя.

Но все их тревоги оказались напрасными. Гоудань даже бровью не повел, пропустив известие мимо ушей. Вот это выдержка!

Муж и жена переглянулись с невольной досадой. Сами они уже давно и безуспешно пытались зачать ребенка, наслушавшись от матерей столько упреков, что заработали себе кучу комплексов. А тут двое пожилых людей, чья суммарная разница в возрасте перевалила за девяносто, так легко завели младенца. Ну не ирония ли судьбы?

— Тетушке Яо ведь уже сорок три, верно? — тихо спросила жена. — Понятно, что раньше в сорок с лишним рожали сплошь и рядом, но то были вторые-третьи дети, а тут...

Цичжи удрученно кивнул:

— Раз уж забеременела, деваться некуда. Видишь, ни Гоудань, ни Ван Сюань даже вида не подали. Значит, выгонять ребенка не станут.

По идее, Ван Сюаню должно быть тяжелее всех — он ведь Ли Сы даже не родной, а вертится вокруг его беременной жены больше остальных, устраивает обследования, хлопочет.

— Ладно, давай доедать и прибирать со стола, — вздохнула жена Цичжи. — Нехорошо заставлять Ван Сюаня ждать нас, ему ведь еще на службу.

Они как раз собирались ехать в больницу за результатами анализов и на консультацию к местным специалистам. Хотя Ван Сюань уже осмотрел их обоих и уверял, что супруги абсолютно здоровы, а задержка вызвана лишь тем, что они слишком зациклились на зачатии и загнали себя в стресс, мешающий организму расслабиться, — им все равно хотелось услышать вердикт уездного врача.

Каким бы хорошим целителем ни был Ван Сюань, в глазах обывателей он выглядел слишком молодо. В народе ведь как принято думать: чем старше доктор, тем он опытнее. Да и к незнакомым врачам доверия всегда почему-то больше, чем к близким людям.

Ван Сюань прекрасно понимал эти предрассудки и не обижался. Места в машине хватало, поэтому он решил отвезти в больницу всех сразу.

В своем кабинете Ли Кай задумчиво вертел в пальцах авторучку. Нельзя сказать, что новость совсем его не задела. Поразмыслив на досуге, он нашел всю эту ситуацию довольно нелепой. Он привык считать себя единственным ребенком в семье, и вдруг на горизонте замаячил какой-то пищащий комок, который по документам будет приходиться ему братом, хотя по возрасту годится в сыновья.

Но больше всего его раздражало другое: теперь госпоже Яо придется остаться в их доме в столице. А присутствие постороннего человека под одной крышей неизбежно нарушит их уединенную жизнь с Ван Сюанем. К тому же Ван Сюань звонил недавно и предупредил, что плод держится плохо — есть серьезная угроза выкидыша.

Выяснилось, что раньше госпожа Яо уже беременела, но ни одного ребенка выносить не сумела: то голод и вечное недоедание сказывались, то побои прежнего мужа — все беременности заканчивались выкидышами.

От этих мыслей у Ли Кая шла кругом голова. Оставлять мачеху в уезде или даже в провинциальном центре было опасно: тамошние больницы не чета столичным, случись что — квалифицированную помощь вовремя не окажут.

Ван Сюань предложил поселить госпожу Яо у них до самых родов, но Ли Каю эта затея казалась сущей мукой. Откровенно говоря, он терпеть не мог, когда чужие люди подолгу топтались на его территории. Одно дело — приютить гостей на пару дней, и совсем другое — делить с ними быт на протяжении долгих месяцев.

Но Ван Сюань резонно заметил, что выставить пожилых родителей за дверь было бы верхом сыновней неблагодарности, даже если купить им отдельное жилье. Пришлось уступить.

Ли Кай, правда, попытался найти лазейку:

— Раз у нее угроза выкидыша, может, пусть она почти все время лежит в больнице на сохранении?

Ван Сюань за это предложение его знатно отчитал, но потом все же смягчился:

— В стационаре она проведет немало времени, это точно. К тому же до положенного срока она вряд ли доходит. С ее здоровьем мы дотянем плод месяцев до семи, когда органы сформируются, и проведем преждевременные роды. Сроку уже два месяца, так что потерпи всего полгода. Договорились?

С таким раскладом Ли Кай был согласен.

Ему было глубоко плевать, родит ли отец себе нового наследника. Его волновал лишь собственный комфорт: вид чужаков, снующих туда-сюда по его дому, выводил его из равновесия. Ван Сюань в шутку называл его диким зверем с обостренным чувством территории.

"Ну и пусть зверь. Свои привычки я менять не собираюсь"

Наступил тысяча девятьсот девяносто пятый год. Время неумолимо мчалось вперед, и заголовки газет вместе с речами партийных лидеров трубили о грядущих переменах. Государственные предприятия, погрязшие в убытках и тормозившие экономику страны, ждала суровая участь — масштабные сокращения.

Оптимизация, эффективность, рентабельность — вот три столпа, на которых теперь строился новый экономический курс. Пресса и телевидение всю готовили почву, разъясняя неизбежность этих мер.

В обществе зрел глухой страх. Люди среднего возраста, не успевшие заработать пенсию, но уже обремененные заботой о стареющих родителях и подрастающих детях, больше всего на свете боялись оказаться на улице без средств к существованию.

Вглядываясь в историю Китая, трудно не заметить одну любопытную закономерность: если уж власть задумывала реформу, она непременно доводила ее до конца. А если выбранный путь заводил в тупик — что ж, партийные чиновники послушно занимались самокритикой и разворачивали курс в другую сторону.

Но к тому моменту дело уже было сделано, и расплачиваться за ошибки экспериментаторов в любом случае приходилось простому народу.

И все же нынешняя реформа, хоть и вызвала волну недовольства среди рабочего класса, в долгосрочной перспективе сулила стране мощный экономический рывок. Руководство страны, готовое принять на себя шквал проклятий ради спасения трещащей по швам экономики, вызывало невольное уважение. Оставь они все как есть — и государство попросту обанкротилось бы, погребя под обломками миллионы семей.

Конечно, люди пытались бороться: писали жалобы, устраивали забастовки, сидели у дверей ведомств в знак протеста. Но сокращения штатов в госсекторе шли своим чередом. Машину реформ было не остановить — заводы физически больше не могли платить рабочим зарплату.

Взамен государство принялось активно поддерживать частное предпринимательство. В прежние годы статус индивидуальных торговцев оставался шатким. Даже когда в стране появились первые богачи-десятники с их накоплениями в десять тысяч юаней, общественное мнение все еще относилось к ним свысока — дескать, приличные люди в торговлю не идут, это удел маргиналов, не сумевших пристроиться на госслужбу.

Статью за спекуляцию и незаконную торговлю отменили совсем недавно, а ведь сколько честных людей до этого успело отсидеть ни за что за решеткой!

Но теперь времена круто переменялись. Сверху пришла четкая директива: курс на экономический взлет.

Из каждого утюга вещали о новых льготах и программах поддержки. Убыточные заводы закрывали или выставляли на аукционы для банкротства, жизнеспособные — реструктурировали, избавляясь от лишних ртов.

Широко поощрялся частный подряд. При этом государство не бросало людей на произвол судьбы: как ни крути, а китайское правительство заботилось о благосостоянии своих граждан куда усерднее, чем те же американцы — в этом мог лично убедиться любой, кто побывал в США.

Впрочем, это лирическое отступление. Главное — огромная страна наконец пришла в движение. Ветер перемен подул не только над богатым южным побережьем, но и долетел до глубинных, материковых провинций.

Рушили устои, казавшиеся незыблемыми на протяжении десятилетий. И самым громким

крушением, потрясшим основы общества, стала потеря «железной чашки риса» — гарантированная государством стабильность навсегда ушла в прошлое.

Отложив свежий номер газеты, Ли Кай задумчиво посмотрел в окно. Мир менялся с головокружительной быстротой, и теперь все зависело лишь от умения вовремя поймать волну.

Выпускникам вузов больше не гарантировали распределение, миллионы рабочих подверглись сокращению штатов в госсекторе, и вчерашние пролетарии массово подавались в бизнес. Даже чиновники, чей тыл оставался прикрыт, глядя на чужие барыши, увольнялись со службы и пускались в свободное плавание. Вся страна бурлила, словно растревоженный улей.

В компании Ли Кая кадрового голода не наблюдалось: образованная молодежь охотно шла к нему работать, а квалифицированных исполнителей хватало с избытком. Не хватало лишь тех, кого называют стратегическим ядром — людей, способных мыслить на перспективу и вести бизнес за собой в неизведанное будущее.

Старая гвардия понимала: правила игры ужесточились. Те, кто хотел удержаться у руля, пахали без продыху и судорожно наверстывали упущенное образование. Ленивые же и безынициативные приспособленцы незаметно оказывались на обочине — их больше не приглашали на закрытые советы директоров.

Ли Кай не был бездушным дельцом и ценил старых соратников за преданность и интуитивное взаимопонимание. Но бизнес не терпит сантиментов. Тот, кто отставал от бешеного темпа генерального директора, неизбежно уступал дорогу молодым и дерзким профессионалам. Ли Кай переводил ветеранов на менее ответственные участки, твердо зная: дружбой сыт не будешь, а стратегические посты должны занимать лучшие.

Выражаясь пафосно, он чувствовал, как его несет мощное течение эпохи. Чтобы не пойти ко дну, нужно было грести изо всех сил, становясь сильнее день ото дня.

Сейчас в коммерцию ломились все кому не лень, но рынок быстро расставит все по местам — слабые разорятся, сильные выживут. И тот, кто удержится на плаву, впишет свое имя в историю нового китайского капитализма как истинный олигарх.

Ли Кай не собирался довольствоваться малым. Мелкие победы лишь разжигали его аппетит, а безумные амбиции гнали вперед, не позволяя остановиться ни на секунду.

<http://bllate.org/book/19654/1996860>